

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/36/12

А.Т. Юнусов

ЭССЕНЦИАЛИЗМ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ АРИСТОТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ¹

Рассматривается достаточно распространённая в современном англоязычном философском сообществе практика сравнения определенных частей учения Аристотеля (его «эссенциализма» и элементов его «семантической теории») с теориями С. Крипке и Х. Патнэма. Учитывая современное состояние понимания тех частей учения Аристотеля, с которыми сравниваются теории Крипке и Патнэма, я прихожу к выводу, что плодотворность такой практики крайне сомнительна.

Ключевые слова: Аристотель, эссенциализм, семантическая теория, Крипке, Патнэм.

Темой моей работы будет одно достаточно характерное для аналитической философии нескольких последних десятилетий явление, а именно начинающаяся с 70-х гг. XX в. и устойчиво воспроизводящаяся с тех пор тенденция проводить параллели между элементами теории семантики и онтологии Аристотеля и некоторыми современными семантическими теориями. Исторически обстоятельства появления этой тенденции объяснить совсем несложно: 60–70-е гг. в англоязычной философии – это время, с одной стороны, всплеска предметного интереса к логике Аристотеля [1–8], а с другой – время возникновения каузальной теории референции Крипке – Патнэма [9–11], с определенными моментами которой элементы учения о значении и сути Аристотеля как раз и будут с тех пор устойчиво сравниваться.

К сожалению, формат настоящей статьи совершенно не подходит для того, чтобы произвести подробный анализ всей истории подобных сравнений и детально описать, что же именно сравнивается с чем, насколько успешно и какие интересные моменты выясняются в ходе такого сравнения, хотя само по себе это и было бы интересно. Поэтому ограничимся всего одной (впрочем, на мой взгляд, едва ли не самой важной) проблемой, связанной с этой темой: а именно, вопросом о том, что способны нам дать подобные сравнения и зачем, собственно, они производятся?

За недостатком места я не буду пересказывать здесь семантические теории Крипке и Патнэма, предполагая, что читатель либо с ними знаком, либо может достаточно легко ознакомиться как в перво-, так и во вторичных источниках. В противоположность этому о тех элементах теории Аристотеля, с которыми теории Крипке и Патнэма сравниваются, нельзя сказать, что они хорошо известны философскому сообществу, и поэтому о них необходимо предварительно сказать два слова. Их изложение будет, однако, очень крат-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15–03–00864. Проект: «Четвертая книга “Метафизики” (“Гамма”): ее истоки, содержание, истолкование в греческой и латинской философской традиции» (Aristotle’s *Metaphysics*, Book IV (‘Gamma’): Its Sources, Content, and Its Interpretation in Greek and Latin Philosophical Traditions).

ким и предельно обобщенным, поскольку полноценное и точное их объяснение представляет собой задачу, которая исследовательским сообществом до сих пор не решена.

О той «семантической теории» Аристотеля, которая сравнивается с теориями Крипке и Патнэма, можно сказать следующее: прежде всего, она нигде не дана в цельном виде, но разбросана по разным местам его трактатов, и, как правило, извлекается авторами из этих мест задним числом для решения определенных проблем, которые встают при интерпретации этих текстов. Основными текстами, из которых она реконструируются, является не трактат «Об истолковании» (*De.Int.* 1 16a3-18), как можно было бы подумать, и даже не IV книга «Метафизики» (*Metaph.* IV.4 1006a11-1008b11), где вопросам значения слов уделяется немало внимания в контексте обсуждения принципа противоречия, но прежде всего – ряд мест «Второй аналитики». В *An.Post.* I.1 71a11-17 Аристотель, среди прочего, говорит, что тому, кто приступает к целенаправленному исследованию чего-либо, необходимо понимание значения терминов, которые он будет использовать в этом исследовании, а из *An.Post.* 10 76a31-36; b11-22 можно заключить, что значение прежде всего (хотя и не исключительно) необходимо знать для терминов, обозначающих те предметы, на изучение которых и будет направлено все исследование в целом. Далее, во II книге «Второй аналитики» Аристотель делает ряд замечаний, которые ряд авторов интерпретируют как дальнейшее развитие его «семантической теории»: в *An. Post.* II.7 92b4-8 и 10 93b29-35 Аристотель говорит, что о вещах, в существовании которых мы еще не уверены, мы можем знать, что они (а вернее их «имена») значат ($\tau\sigma\eta\mu\alpha\nu\epsilon\iota$), но не можем знать их сущности ($\tau\sigma\tau\iota$; essence), т.е. их истинного определения (например, мы можем знать, что значит слово «козлоолень», но определения «козлооленя» мы иметь не можем, поскольку козлооленей не существует); а в *An. Post.* II.8 93a16-b14 весьма детально, но в то же время крайне запутанно описывает, как мы можем отыскать истинное определение и сущность вещи, если мы предварительно имеем в нашем распоряжении некий более слабый вид определения, который иногда также называют «номинальным» определением (*An. Post.* II.10 94a7-9; 13-14). Складывая вместе все эти места, некоторые исследователи заключают, что в *An. Post.* II.8 93a16-b14 Аристотель говорит о том, как нам найти истинное определение (т.е. сущность) вещи с помощью предварительно известного нам значения того термина, который используется для указания на эту вещь.

Теперь стоит кратко указать, о каких чертах обычно говорят те исследователи, которые склонны подмечать сходства этой «семантической теории» Аристотеля с теориями Крипке и Патнэма.

1. Прежде всего, сходство этих теорий видят в эссенциализме, т.е. в постулировании существования у вещей реальной сущности ($\tau\sigma\tau\iota$; essence), не зависящей от нашего способа описания этих вещей [12. С. 514; 13. С. 214; 14 С. 14-16; 15 С. 4; 16 С. 248; 17, 19-20].

2. Эта сущность присуща в их устройстве индивидам, однако она конституирует их как представителей определенного естественного вида [12. С. 543; 13. С. 214; 14. С. 6].

3. Мы способны указать на определенные признаки этой вещи, которые присущи ей в рамках ее сущности, и именно поиском таких признаков (т.е. определением сущности вещей) занимается наука (совокупность этих признаков в случае Аристотеля можно считать определением вещи) [12. С. 543–544. Прим. 53; 14. С. 197–198].

4. Свойства, входящие в сущность вещи, присущи ей необходимым образом (отсюда – представление о знаменитой апостериорной необходимости Крипке) [13. С. 233; 18. С. 70; 14. С. 18–19].

5. Существенные признаки вещи (т.е. свойства, входящие в состав ее сущности) обнаруживаются нами в результате научного исследования, а не задаются произвольно [13. С. 219; 14. С. 197–198].

Отдельные исследователи дополняют этот список сходств также следующими:

1. Объяснение значения термина, обозначающего естественный вид, подразумевает отсылку к его сущности [12. С. 543–544. Прим. 53].

2. Объяснение значения термина, обозначающего естественный вид, подразумевает одновременно отсылку к реальному индивиду, принадлежащему к этому виду; при этом референция к нему фиксируется нелогическими средствами, т.е. индексикально [12. С. 543. Прим. 52; 13. С. 217–218].

3. В человеческом сообществе существуют привилегированные группы носителей языка, которые наделяются привилегированным правом жестко фиксировать референцию за релевантными представителями вида, которые будут впоследствии служить «контрольными индивидами», с которыми будет происходить сравнение в процессе употребления терминов естественного вида [12. С. 543–544. Прим. 54].

Итак, семантическую теорию Аристотеля сравнивают с семантическими теориями «современных эссенциалистов» и проводят параллели, прежде всего, по указанным пунктам. Вопрос, который мне хотелось бы поставить, звучит очень просто: зачем производятся подобные сравнения? Можем ли мы что-то из них получить?

Существует множество достойных причин, по которым мы склонны проводить параллели между двумя теориями, пусть даже достаточно сильно разнесенными во времени.

1. Прежде всего, мы ищем сходство некоторых теорий для того, чтобы установить их преемственность друг другу и влияние одной из них на другую – так, мы можем пытаться установить, как Платон повлиял на Аристотеля или Фреге на Рассела и какие черты теории одного из них сохраняются в теории другого, а какие, напротив, отбрасываются. Очевидно, однако, что в нашем случае подобной цели стоять не может: ни Крипке, ни Патнэм не указывают Аристотеля в качестве источника своих теорий сознательно¹, и историческое (а также теоретическое) расстояние между

---

¹ Аристотель, безусловно, является важным источником вдохновения для Патнэма: однако не в указанной сфере (в теории сознания, а не в семантике) и не в указанное время (в 90-е, когда Патнэм начал склоняться к гелиморфическому решению проблемы сознание – тело, а не в 70-е, когда написаны его указанные выше работы по семантике). Патнэм также прямо критикует теорию значения Аристотеля, например, в [11. С. 19–24]; однако, во-первых, эта работа относится к концу 80-

нашими персонажами слишком велико, чтобы предположить бессознательное влияние. Кроме того, постулировать какую-либо непосредственную преемственность (в смысле влияния) современного эссенциализма с древним, насколько мне известно, просто фактически не пытается ни один автор.

2. Далее, мы можем сопоставлять теории с целью прояснить одну из них за счет другой. В самом деле, универсальное свойство нашего познания заключается в том, что мы понимаем новое и незнакомое, сопоставляя его с уже известным и ясным нам. Таким образом, можно было бы предположить, что мы ищем сходство семантических теорий Аристотеля, с одной стороны, и современных эссенциалистов – с другой с тем, чтобы объяснить новомодные теории последних с помощью старого, доброго и столь близко знакомого нам Аристотеля. В конце концов, объяснять теории одних философов с помощью теорий других, уже ранее изученных философов – это старый и вполне надежный педагогический прием. Однако такое объяснение нам в данном случае тоже не подойдет. Дело в том, что имеет смысл прояснять одну теорию с помощью другой только в том случае, если последняя нам не только более знакома, но и более понятна. Что касается взятого в отдельности эссенциализма Аристотеля и современных философов, то их еще можно сличать на подобном основании (хотя и тут следует быть осторожным). Но вот у «семантической теории» Аристотеля с понятностью большие проблемы: как уже было указано, никакой цельной теории значения Аристотеля в нашем распоряжении нет; в разговоре о такой теории нам приходится обходиться разрозненными фрагментами, из которых эту теорию можно в крайнем случае реконструировать. О масштабе проблем с понятностью говорит хотя бы тот факт, что среди многочисленных подобных реконструкций нет двух таких, которые в итоге дают в существенной степени схожие теории. Странно было бы пытаться сделать более понятными теории Крипке и Патнэма на основе теории, настолько запутанной и неясной самой по себе.

3. Возможно, в таком случае мы могли бы, напротив, объяснить теорию Аристотеля с помощью теорий Крипке и Патнэма. В самом деле, первая, как мы только что заметили, настойчиво нуждается в прояснении, тогда как последние, напротив, вполне понятны. Однако и здесь нас ждет проблема. Прояснение одной теории с помощью другой является допустимым педагогическим приемом в том случае, когда тому, кто проводит такую аналогию, вполне понятны как одна теория, так и другая – он владеет ими обеими и может привлечь внимание того, кому он их объясняет, к релевантным сходствам между ними. Однако ведь в нашем случае речь не о непонятности теории Аристотеля для широкой публики, которой надо найти способ ее объяснить; речь идет о ее запутанности, отрывочности и неясности в принципе, в том числе, как можно судить по множеству противоречащих друг другу интер-

---

х, а во-вторых, в ней критикуется не изложенная выше «семантическая теория» «Второй аналитики», а примитивная картина обозначения из 1-й главы «Об истолковании».

Что касается Крипке, то с ним все еще более однозначно: единственные ссылки, которые мы можем найти у него на Аристотеля, – это те, где имя «Аристотель» фигурирует в качестве примера [9. С. 6–14, 29–30, 57, 61–63, 65, 74–75].

претаций, ни одна из которых до сих пор не признана стандартной, и для ее непосредственных исследователей. В этом случае объяснять мысль Аристотеля с помощью теорий Крипке и Патнэма значило бы выстраивать свое *понимание* этой мысли, взяв за основу, т.е. в качестве ключа для ее интерпретации, семантические теории современных эссенциалистов. Но, собственно, какое право мы имеем так поступать? Мы могли бы действовать подобным образом в том случае, если бы между ними была реальная историческая связь, однако ее, как уже отмечалось выше, между ними нет. Строить интерпретацию Аристотеля на основе Крипке в отсутствие исторической связи – значит навязывать Аристотелю чуждый ему круг проблем, заранее искать в Аристотеле нечто такое, чего там быть не должно. Если мы заранее исходим из предположения о том, что некоторые теории должны быть подобны друг другу, то нам, безусловно, будет легче найти сходство при их анализе (и таковое сходство действительно удавалось обнаружить), однако на чем, собственно, основано наше предположение об их сходстве? Я не могу найти для него подходящего основания, и тем не менее оно часто руководит исследованиями теории значения Аристотеля в последнее время.

Поиск сходств в теориях современного и античного эссенциализма переходит все разумные пределы. Действительно, если мы будем руководствоваться целью не только показать, что у Аристотеля в его философии науки на вооружении имеется теория значения, решающая точно тот же самый круг проблем, которые решает теория значения современных эссенциалистов, но и доказать, что теория Аристотеля решает эти проблемы лучше и превосходит все имеющиеся хождение в современной философии теории подобного рода (как это делает один из самых крупных современных исследователей семантической теории Аристотеля Дэвид Чарльз в своей 400-страничной монографии [14]), то это, вне всякого сомнения, резко понижает наши шансы реконструировать реальную теорию значения Аристотеля, хотя бы уже потому, что эта реальная теория может оказаться недостаточно хороша для этих целей. Она может оказаться противоречива, незакончена, неудачна на других основаниях. В конце концов, она может быть направлена на совершенно другой круг проблем. Но нам все же должна быть интересна прежде всего именно она. Это не значит, что, докопавшись до нее, мы не будем иметь права сравнить ее с какими-то другими теориями (вполне будем, хотя найти в этом большой смысл будет все так же непросто), однако сначала мы должны установить ее независимо от тех теорий, с которыми мы (почему-то) хотим ее сравнить.

Ситуация со сравнением современного эссенциализма с античным в современной аналитической философии в действительности служит эмблемой для еще более характерной и имеющей еще более широкое хождение проблемы – стремлению к поиску сходств между теориями вне всякой необходимости или без всякой реальной цели. Seriously сравнивать нечто одно с чем-то другим имеет смысл только в том случае, если мы рассчитываем из этого сравнения нечто извлечь – в случае теорий, если это объяснит нам нечто об одной теории за счет другой. Однако нередко бывает, что, найдя любое, даже самое случайное, но любопытное сходство, мы не можем удержаться от того, чтобы его подметить и провести параллели между мыслями

двух фигур. Тем не менее, если мы не можем установить реальной непосредственной или опосредованной исторической преемственности между двумя мыслями (или если подмеченное нами сходство не вписывается в более масштабную систему сходств, определенно указывающих на общее направление мысли), то наше наблюдение едва ли будет иметь реальную ценность. Его можно отнести на счет хорошо известной привычки человеческого разума приносить в материал, с которым он имеет дело, больше порядка, чем там реально содержится. В этом смысле наблюдение за такими случайными сходствами – это занятие сродни разглядыванию очертаний, которые мы видим в проплывающих облаках. Это может быть увлекательно и крайне любопытно, и это весьма приятное времяпрепровождение. Однако не стоит обманываться насчет его теоретической плодотворности.

Литература

1. *Aristotle's Prior and Posterior Analytics* / ed., comm. by W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1949. 690 p.
2. *Лукашевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / пер. с англ. Н.И. Стяжкина и А.Л. Субботина. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 313 с.
3. *Corcoran J.* Completeness of an Ancient Logic // *Journal of Symbolic Logic*. 1972. Vol. 37, No. 4. P. 696–702.
4. *Corcoran J.* A Mathematical Model of Aristotle's Syllogistic // *Archiv für Geschichte der Philosophie*. 1973. Vol. 55, No. 2. P. 191–219.
5. *Corcoran J.* Aristotelian Syllogisms: Valid Arguments or True Universalized Conditionals? // *Mind*. 1974. Vol. 83. P. 278–281.
6. *Smiley T.J.* What is a Syllogism? // *Journal of Philosophical Logic*. 1973. Vol. 2, No. 1. P. 136–154.
7. *Lear J.* Aristotle and Logical Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 136 p.
8. *Aristotle. Prior Analytics* / ed., trans., comm. by R. Smith. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing, 1989. 302 p.
9. *Kripke S.* Naming and Necessity. Oxford: Blackwell, 1972. 172 p.
10. *Putnam H.* The Meaning of 'Meaning' // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. 1975. Vol. 7. P. 131–193.
11. *Патнэм Х.* Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. 13. С. 377–390.
12. *Bolton R.* Essentialism and Semantic Theory in Aristotle: Posterior Analytics, II, 7–10 // *The Philosophical Review*, 1976. Vol. 85, No. 4. P. 514–544.
13. *Sorabji R.* Definitions: Why Necessary and in What Way? // *Aristotle on science, the "Posterior analytics": proceedings of the eighth Symposium Aristotelicum* / ed. by E. Berti. Padova: Editrice Antenore. 1981. P. 205–244.
14. Charles D. Aristotle on meaning and essence. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 2000. 428 p.
15. *Rorty R.* Kripke versus Kant // *London Review of Books*. 1980. Vol. 2, No. 17. P. 4–5.
16. *Ayers M.R.* Locke Versus Aristotle on Natural Kinds // *The Journal of Philosophy*. 1981. Vol. 78, No. 5. P. 247–272.
17. *Soames S.* Analytic Philosophy in America // *Analytic Philosophy in America And Other Historical and Contemporary Essays*. Princeton: Princeton University Press. 2014. P. 3–35.
18. *Modrak D.K.W.* Aristotle's Theory of Language and Meaning. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. 316 p.
19. *Putnam H.* Representation and reality. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988. 137 p.

Iunusov Artem T. – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

DOI: 10.17223/1998863X/36/12

ESSENTIALISM AND SEMANTIC THEORY OF ARISTOTLE IN MODERN ANALYTIC PHILOSOPHY

Keywords: Aristotle, essentialism, semantic theory, Kripke, Putnam

A certain tendency can be spotted in the English-speaking philosophical community – predominantly (but not exclusively) among ancient philosophy scholars – in the last few decades. It is a tendency to compare certain traits of Aristotle’s philosophy with the semantic theories of certain modern analytics philosophers – mainly with those ones of Saul Kripke and Hillary Putnam. The subjects under comparison are “essentialism” and certain elements of “semantic theory” of Aristotle and the semantic theories of Putnam and Kripke. Comparing those scholars find surprisingly large number of similar traits – starting with the thesis, that essences of the certain objects, though being necessary, are discovered in course of scientific investigation and in certain cases all the way to the “linguistic division of labor”. But how valuable such comparisons really are? To answer that we have to turn to the question of for what purposes comparison of two theories can be performed at all. We can compare two theories to track a historical influence of the earlier to the later – but that is obviously not the case with the theories under question, as they are not connected in any such way. We can further use the earlier theory that is more familiar and more clear to as a means of understanding a later and a less intelligible; but that in not the case as well in our case, as the theory in question of Aristotle, being fragmentary, not easy to follow and overall convoluted, is much less intelligible than those of Kripke and Putnam. Finally we can on contrary try to elucidate the earlier convoluted theory by the comparing it to the later and intelligible one; however if there is no real historical connection between them (and in our case there is not) we have no right to do that, as we would be forcing the problematic of the later theory on the earlier one with no ground for doing that whatsoever. Therefore I come to the conclusion that this kind of comparisons can not be counted among theoretically valuable ones: it can be curious and quite entertaining, but it can hardly help us to understand either of the theories in question.

References

1. Aristotle. (1949) *Prior and Posterior Analytics*. Oxford: Clarendon Press.
2. Lukasiewicz, J. (1959) *Aristotelevskaya sillogistika s točki zreniya sovremennoy formal'noy logiki* [Aristotelian syllogistic from the standpoint of modern formal logic]. Translated from English by N.I. Styazhkin, A.L. Subbotin. Moscow: Foreign Literature Publ.
3. Corcoran, J. (1972) Completeness of an Ancient Logic. *Journal of Symbolic Logic*. 37(4). pp. 696–702. DOI: 10.2307/2272415
4. Corcoran, J.A. (1973) Mathematical Model of Aristotle's Syllogistic. *Archiv für Geschichte der Philosophie*. 55(2). pp. 191–219. DOI: 10.1515/agph.1973.55.2.191
5. Corcoran, J. (1974) Aristotelian Syllogisms: Valid Arguments or True Universalized Conditionals? *Mind*. 83. pp. 278–281. DOI: 10.1093/mind/LXXXIII.330.278
6. Smiley, T.J. (1973) What is a Syllogism? *Journal of Philosophical Logic*. 2(1). pp. 136–154.
7. Lear, J. (1980) *Aristotle and Logical Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Aristotle. (1989) *Prior Analytics*. Translated from Latin by R. Smith. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing.
9. Kripke, S. (1972) *Naming and Necessity*. Oxford: Blackwell.
10. Putnam, H. (1975) The Meaning of 'Meaning'. *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. 7. pp. 131–193.
11. Putnam, H. (1982) Znachenie i referentsiya [Meaning and reference]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vol. 13. Moscow: Raduga. pp. 377–390.
12. Bolton, R. (1976) Essentialism and Semantic Theory in Aristotle: Posterior Analytics, II, 7–10. *The Philosophical Review*. 85(4). pp. 514–544. DOI: 10.2307/2184277
13. Sorabji, R. (1981) Definitions: Why Necessary and in What Way? In: Berti, E. (ed.) *Aristotle on science, the "Posterior analytics"*: *Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum*. Padova: Editrice Antenore. pp. 205–244.

14. Charles, D. (2000) *Aristotle on meaning and essence*. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press.
15. Rorty, R. (1980) Kripke versus Kant. *London Review of Books*. 2(17). pp. 4–5.
16. Ayers, M.R. (1981) Locke Versus Aristotle on Natural Kinds. *The Journal of Philosophy*. 78(5). pp. 247–272. DOI: 10.2307/2025955
17. Soames, S. (2014) *Analytic Philosophy in America And Other Historical and Contemporary Essays*. Princeton: Princeton University Press. pp. 3–35.
18. Modrak, D.K.W. (2001) *Aristotle's Theory of Language and Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Putnam, H. (1988) *Representation and reality*. Cambridge, Mass.: MIT Press. pp. 137.